

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Лит. Россия 1992

Календарь памятных дат российской словесности подсказывает: сегодня, 21(10 ст. ст.) августа, исполняется 200 лет со дня рождения Петра Александровича Плетнева — одного из знаменитой Пушкинской Плеяды. Звезда его не столь ярко сияет на литературном небосклоне. А занимайся Плетнев только литературой, он, быть может, сделал бы значительно больше. Но были еще и журналистика, и издательские заботы (радениями Петра Александровича увидели свет более 20 книг А. С. Пушкина, в том числе и «Евгений Онегин», которому поэт предпослал строки посвящения, адресованные Плетневу), и редакторство (восемь лет после смерти Пушкина Плетнев редактировал «Современник»), и, конечно же, многолетнее ректорство (студенты и профессора Петербургского университета его прозвали боготворили).

Так вот и вышло, что творческое наследие Петра Плетнева не очень велико. Но то, что сделано им, — значительно. Здесь и поэзия (Пушкин вполне заслуженно начинал

свои письма к Плетневу обращением «Мой милый поэт!»), и критика, и лучшее, что вышло из-под его пера, — серия литературных очерков-портретов: «Александр Сергеевич Пушкин», «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова», «Евгений Абрамович Боратынский», «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского». В этом жанре Петр Александрович был первопроходцем.

И, быть может, памятуя прежде всего об этом, князь П. А. Вяземский провидчески сказал после смерти Плетнева: «Заслуги, оказанные им отечественной литературе, не кидаются в глаза с первого раза. Но они отыщутся и по достоинству оценятся при позднейшей разработке и приведении в порядок и ясность действий и явлений современной ему литературной эпохи».

Особого внимания «при позднейшей разработке» заслуживает эпистолярное наследие П. А. Плетнева, при знакомстве с которым всеобъемлюще встает панорама литературной и общественной жизни России первой половины прошлого столетия. Одним из постоянных адресатов Петра Плетнева был его более молодой современник Я. К. Грот. Их переписка составляет несколько увесистых томов. И, отмечая 200-летие со дня рождения Петра Александровича Плетнева, мы предлагаем вниманию читателей строки из его писем к Якову Карловичу Гроту.

Петр ПЛЕТНЕВ «Как нравственно воспитанный сын...»

Да! большое для человека счастье, когда он до старости сохранит бодрость души, живость ума, сочувствие в сердце ко всему прекрасному.

Чем я более теперь предаюсь одинокому, серьезному чтению, тем заметнее чувствую над собою влияние ипохондрии. Этого не замечаешь, оставаясь дома. Но едва повеет при выходе моем из комнаты свежий только воздух, не говоря о появлении в обществе, чувствуешь, что отпадает что-то тяжелое от сердца и головы. А с годами немудрено отяжелеть незаметно.

...Пусть все идет естественно. Всякий должен быть счастливым, как может. Выбивать человека из его колеи, чтоб он вскочил в вашу, неблагоприятную и несправедливую. То, что радует нас, его будет жать и печалить.

Я всегда внушал студентам, что для успехов в литературе вернее и лучше на каком-нибудь языке прочитать самому две-три первоклассные книги, нежели обо всех авторах узнать из множества извлечений.

...Смешно и ожидать, чтобы умный и достойный изучения писатель неожиданно явился в литературе, как бы гриб под деревом. Талант развивается — и этот период обнаруживает его завременно.

...Эстетический интерес литературных созданий никак нельзя сделать предметом, подчиненным наставлению или теории. Он по инстинкту осязателен художником и врожден в них, а мы, прочие, сами не понимаем, как он ускользает от нас; приписываем это нашей временной невнимательности, дурной памяти и проч., обещаем в другой раз быть строже к себе и т. п. Нет, брат! все это одним дается даром, другие не приобретут того и великими трудами. Нельзя же, однако, нам наблюдать друг за другом и не говорить, что где упущено.

В течение этой недели я все читал Histoire de Napoleon par m. de Norvins. Ты вообразить не можешь, сколько странных мыслей пришло мне в голову при этом чтении: главная та, что эта любимая наша наука (история) — почти вздор. Я современник описываемой эпохи и ее действительных, все события прошли перед моими глазами. Последствия и перемены, как в России, так и во всей Европе, свидетельствуют мне, что я был не слеп, не глух, даже не глуп. А этот француз, из смешного энтузиазма к герою (Наполеон нуждается в нем!), ставит истину вверх ногами. Через 500 лет должны будут верить ему — и таким образом потомство, жадно изучая этот вздор, станет утешаться мыслью, что оно изучает истину. Да, грустно мыслить, что все становится жертвой мелких страстей — самая история!

Ты, кажется, не все разумел, что я думал, говоря об истории. Мне сердце сжала мысль, как неверно то, чем занимаемся мы с увлечением. Не оттого дело портится, что много плохих историков, а все оттого, что это самое дело превышает естественные способности наши к его неукоризненному исполнению. Подобная мысль сжимает мне сердце уже во второй раз в жизни. В первый раз это было, когда я прочитал известную прекрасную статью Жуковского под названием: «Последние минуты Пушкина». Я был свидетель этих последних минут поэта. Когда я прочитал Жуковского, я поражен был сбивчивостью и неточностью его рассказа. Тогда-то я подумал в первый раз: так вот что значит наша история.

...Без авторитета общество подобно семейству, выгнавшему родителей из дома. Авторитет не предрассудок, а естественная законная власть, поучающая неопытных. Он не выхвалит ошибок прошлого, а указывает средства к истинному прогрессу. Без авторитета человек — как без религии. Чем далее идет он, тем становится свирепее и необузданнее.

Повторяю: «Перед причинами всемирных явлений мы все стоим, как слепцы». Если тот или другой из нас, ученых, высказывает по-своему причины событий, это не значит, что он несомненно разгадал истину. Он только правдоподобно искал ее, а в действительности находкою ни других не убедил, да и сам (говоря о добросовестном) не убежден в непреложности предположения. Следовательно, и после тысячи самых остроумных, самых глубокомысленных изъяснений мы в действительности стоим перед событиями, как слепцы.

Лучше исполнить в некоторой степени доброе дело, нежели всю жизнь думать об идеале.

«Как увериться, есть ли у тебя способы действовать ко благу человечества?» Все основанное с рассудком и совестью есть

уже непременно способ к тому. Много или менее, а произведет он свое. Что касается до «удовлетворения высших еще требований», они определенно изложены в христианском законе нашем: верь, надейся и люби. Тут есть на все ответ — и на гадания науки, и на искушения жизни, и на отношение к людям.

...Все нести в жертву созданным нами каким-то выгодам тяжело и неблагоприятно. Мы должны любить состояние гармонии с природою и ее Создателем, которые блаженны только свободно разумным совершением святых законов высшей мудрости. Сольемся же с их чистым, легким и гармоническим бытием! Отстраним все насильственное, изысканное и удушливое.

Как странно воображение наше. Оно как бы чувствует сильнее свежесть передаваемых ему впечатлений и более от них воспламеняется, нежели от самых подробных описаний, содержащихся в какой-нибудь книге. Зато совсем противное выходит, когда дело касается идеальной стороны жизни. Тут все торжественно в художественном создании, а не в пересказах, набрасываемых отрывочно.

В самом деле, науки не точные, которых движение определяется не действительною истинною, а свежестию мыслей и новостью взгляда, сообщают уму и душевной деятельности что-то тревожное и раздражительное. Никогда ни математики, ни натуралисты, ни даже географы не преследовали друг друга такими критиками, как литераторы. К сожалению, и филологи в последнюю попадают категорию: часто, бредя во тьме догадок, они нападают друг на друга с ожесточением. Впрочем, здесь, как и везде и во всем, главные черты произведений и трудов зависят от личного характера писателей, заранее уже определяющего их будущее.

...Сильнее и сильнее убеждаюсь в том, что истинные и воображаемые бедствия наши происходят от добровольного с нашей стороны разрушения гармонии между естественными силами нашими и возложенными на них обязанностями. В самом одобрительном по общему понятию стремлении человека к чему-то во всем высшему для меня открывается ныне первоначальный грех — гордость. Всякий хочет достигнуть такого во всем превосходства, которое здесь нам не суждено. Конечно, в этом стремлении лежит начало чудесного развития человечества, и потому я не враг его. Но полагаю, что пускаться всем нам на подвиги — ошибка. Если бы все на это и посланы были, подвиги не давили бы нас; они были бы пропорциональны силам нашим... Все великое, совершавшееся по законам природы, было бы в то же время и прекрасным, следственно, свободным и легким, а не томительным и давившим.

Литература с другими изящными искусствами должна свидетельствовать, как дух человеческий развивался по эстетическому направлению. В этом ограничении есть важное последствие: историк получает право отстранить от своих исследований все письменные памятники, возникшие без эстетического направления духа. В новейшее время... история литературы перешла свои границы и сделалась историею всех историй — политических, религиозных, законодательных, гражданских, даже юридических и проч. Этот энциклопедический ее объем отклонил ее от главного предмета и сущности его. Следствием такого безграничного изучения было, без сомнения, падение чистого вкуса.

Я всегда различаю изучение ремесленное от художественного, разумея под первым занятие человека, специально посвящающего себя предмету, от занятий образованного вообще гражданина, не желающего остаться в невеждах, но и не чувствующего надобности обложиться себя вещами излишними.

Мы воображаем, что довольно читать глубокомысленные книги, да думать про себя, да, наконец, писать, так и мир явится совершеннейшим. Есть нечто, нисколько не низшее вышеприведенного, а именно: сильно чувствовать, преодолевать все и действиями своими вести других к счастью. Если бы все умнейшие люди предпочли практической жизни чтение и сочинение, то откуда почерпнули бы они ясные понятия о том, что изобразить желают? Жизнь участвует в сочинении столько же, сколько чтение, и открывает ровно столько же истин, сколько размышление о жизни.

Космополит есть существо эгоистическое, беспрестанно меняющее и место и общество, стремясь единственно к увеличению своих выгод. Это род Булгарина, который сердцем не принадлежит ни России, ни Польше, ни Франции, ни Испании, а чутьем кармана своего ищущий барышей повсюду и предпочитающий место и общество там, где ему лучше. Мирный гражданин и вместе человек дельный уживается не вследствие расчета, а по свойству благородных элементов, господствующих в душе его. Но он любит свое Отечество, как нравственно воспитанный сын любит родителей своих, даже сознавая недостатки их природы...